
Л.А. Капитанова

«Дом с мезонином»

Чехов нигде прямо не объявлял о поиске «нормы» жизни. Но осознание его героями, насколько «жизнь отклоняется от нормы», приводило к тому, что их переживания всегда были сопряжены с тоской и порывом к некой истине об окружающем мире.

Писатель учил тому, что всякая исповедуемая истина неполна, ограничена. И в этом смысле жизнь в многообразии ее проявлений и открытий оказывается «мудрее» любой из предпосылаемых человечеству объясняющих ее систем.

О том, что *каждый может рассуждать об устройстве мира* и говорить об этом с самим собой, — чеховская повесть «Дом с мезонином». Она была написана в подмосковном имении Мелихово, где он поселился с родителями. Здесь он заведует врачебным участком, открывает медицинский пункт и пишет повесть.

Однако впрямую (что, как известно, является характерным для Чехова) такая мысль здесь не проговаривается. Но спор героев — художника Н. и Лидии Волчаниновой — связан именно с нею. Художник отказывается признать интеллектуальный, нравственный диктат Лидии и оспаривает право человека на собственный выбор, какой бы разумной и справедливой ни представлялась навязываемая его оппонентом истина.

В «Доме с мезонином» все начинается с того, что случайно оказавшийся у белых каменных ворот незнакомой усадьбы художник-пейзажист Н. встречается там с двумя девушками, одна из которых «едва обратила» на него внимание, другая же посмотрела на молодого человека большими удивленными глазами. На протяжении всего повествования герой будет неизменно находиться между двумя, обозначившимися уже в первой встрече, эмоциональными полюсами: приятием Мисюсь и неприятием Лидии.

Откровенное неприятие Лидией художника обусловлено прежде всего несовпадением их «пространств».

Художник-пейзажист, мироощущению которого свойственна пространственная перспектива, оказывается «чужим» в ограниченном, замкнутом пространстве героини. Эта «замкнутость» Лидии проистекает из ее сосредоточенности на идее общественного служения, реального участия в судьбе народа — организации школ, медицинских пунктов, библиотек... С образом Лидии связана такая деталь, как зонтик, приобретающая в повести символическое наполнение. Зонтиком героиня как бы загораживается от внешнего мира во всем многообразии его проявлений, очерчивает вокруг себя своеобразный круг. Отсутствие движения за границу «зонтика» подчеркивает содержание разговоров героини, сводящихся единственно к «земству, Балагину, школьным библиотекам». Спустя семь лет она по-прежнему продолжает жить «под зонтиком» — занята сельскими школами и погружена в дела и заботы земства.

Находясь «под зонтиком», Лидия не принимает пейзажей художника, отражающих мир. Ей чужд взгляд творца, которому открыта перспектива, вбирающая «зеленый сад, еще влажный от росы» и сияющий на солнце, грустную августовскую ночь, пахнущую осенью, темные озимые поля и падающие звезды.

Глаза художника следят за взмывшей в небо «высокой узкой колокольней и горящим на ней крестом» и скользят по окутанным золотым светом вершинам елей. Лидия же за зонтиком не видит ни неба, ни деревьев. И в этом смысле она — полная противоположность Мисюсь, устремленной, как и художник, к полной жизни.

Иначе как лицемерием не назовешь и горячие призывы героини «служить ближним». На деле даже для самых близких и родных людей — матери и сестры — она была

бесконечно далеким человеком, «как для матросов адмирал», живущим «своею особенною жизнью», не допускающим сердечных привязанностей.

Екатерина Павловна и Мисюсь, напротив, обожают Лидию. Они с христианским смирением и благоговением воспринимают ее жизненную философию. В унисон звучит произносимая ими обеими фраза: «Наша Лида замечательный человек. Не правда ли?»

Однако искренняя любовь к Лидии («Я ее горячо люблю и могла бы каждую минуту пожертвовать для нее жизнью», – говорит Мисюсь художнику) сложно переплетена у обитателей дома с мезонином с безотчетным страхом перед нею. В особенной степени его испытывает Екатерина Павловна, рассказывающая о дочери «вполголоса тоном заговорщицы» и при этом «испуганно оглядываясь». Власть Лидии над домашними обнаруживается в поспешном согласии матери со всем тем, что провозглашает ее старшая дочь. «Правда, Лида, правда...» – фраза, символизирующая расстановку сил в доме с мезонином и покорность судьбе ее жильцов.

Сутью спора художника с Лидией становится не проповедуемая ею теория «малых дел». Все значительно принципиальнее и глубже.

Героя Чехова прежде всего раздражает самоуверенность Лидии в суждениях («мы делаем то, что можем, и мы — правы»), ее презрение к «иноверцам» («Что же нужно? Пейзажи?»), обвинительный вызов без деятельности художника («нельзя сидеть сложа руки»). Но главным в его противостоянии является нежелание принимать даже не столько навязываемый ему образ жизни, сколько *взгляд, бегущий мимо жизни*.

В отличие от Лидии, сосредоточенной на собственной идее, художник открыт жизни, считая ее «чудом», и уверен в том, что «единственное, ради чего стоит жить, — это духовная деятельность».

Сосредоточенный на мире вокруг себя, чеховский герой вместе с тем ясно осознает, насколько неправильно тот устроен. Человек, обреченный в нем на «голод, холод» и «грубый животный труд», оставляет мысли о душе и забывает, по словам художника, об истинном своем «призвании» — «постоянном искании правды и смысла жизни». Но в таком мире герой Чехова остро ощущает и собственную бесприютность.

Более всего в художнике N. важно то, что он наделен удивительной способностью — даром понимания другого человека, чего лишена Лидия, слышащая только себя и абсолютизирующая собственное представление о мире. Вспомним безапелляционное: «Мы — правы».

Наверное, поэтому герою так близка Мисюсь, сосредоточенная на собеседнике.

В доме с мезонином все события разрешаются драматично. Один человек распорядился тремя судьбами. Но автор делает финал повести открытым, поскольку Чехов считал для себя единственно возможным показать, как «жизнь отклоняется от нормы», но не определять, что такое настоящая жизнь.

Может быть, для художника встреча с Мисюсь и была минутой настоящей жизни, о которой он с тоской вспоминает по истечении лет.

Дом с мезонином и жившая в нем «маленькая королева» навсегда остаются для героя Чехова духовным приютом и уже недостижимым идеалом. Поэтому такой неизбежной печалью веет от последней строки чеховской повести: «Мисюсь, где ты?»